

ЭЛЕОНОРА ЛЕБЕДЕВА

К югу от Сахары

Страны АЮС в меняющемся мире

После окончания «холодной войны» и противостояния двух систем, важным плацдармом которого были африканские страны, Африка южнее Сахары (АЮС)¹ оказалась на периферии внимания мировых держав. Но на исходе XX века отношения со странами региона стали одним из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии не только их многолетних и главных торгово-экономических партнеров — США, Франции, Великобритании, ЕС, но и крупнейших развивающихся стран — Китая, Индии, Бразилии. Такой поворот в их политике был вызван стремлением всех этих государства укрепить и расширить свои позиции в АЮС, являющейся кладовой энергетического и минерального сырья, прежде всего вследствие истощения запасов этих

стратегических ресурсов на земле и усиления конкуренции за доступ к ним.

«Схватка за Африку» стала геоэкономической и геополитической вехой 2010-х годов во взаимоотношениях мировых западных держав и ведущих азиатских стран с растущей экономикой. Кроме того, Запад был озабочен стремлением обеспечить решающее воздействие на основные параметры социально-экономической и политической эволюции стран АЮС, чтобы иметь возможность снизить потенциал гуманитарных, демографических, экологических, террористических и других угроз.

К концу первого десятилетия XXI века начал меняться имидж африканских стран. Вместо «вечных маргиналов мировой экономики» — «ее новый динамичный полюс», вместо «главных получателей помощи со стороны ведущих мировых держав» — «их экономические партнеры, без активного включения которых в глобальное развитие оно не может быть устойчивым». Но изменилось ли место государств АЮС в претерпевающих качественные трансформации международно-политических процессах? Появились ли новые тренды в этой сфере внутри самого этого региона?

¹ Из 54 государств африканского континента на АЮС (или Субсахарскую Африку, как еще называют этот регион) приходится 47 стран с населением около 850 миллионов человек. Наряду с такими густонаселенными странами, как Нигерия (151,6 миллиона человек), Эфиопия (83,3), Демократическая Республика Конго (67,2), ЮАР (49,5), Танзания (42,0), Кения (36,4), население 18 государств насчитывает от 0,5 до 5 миллионов человек каждое. 15 стран являются внутриконтинентальными и не имеют выхода к морю.

Международно-политическая ситуация в АЮС

Глобализация, как известно, крайне неравномерно влияет на экономическую динамику государств и регионов: одни из них втягиваются в мировое хозяйство и быстро развиваются, другие стагнируют без внешних толчков и все более маргинализируются. АЮС — не исключение: дифференциация между странами и регионами углубляется. Самый большой потенциал экономического роста и развития — у Южного региона² во главе с ЮАР, самый слабый — у Центрального региона³. Глобализация способствует и социально-классовому расслоению, отчуждению между, с одной стороны, элитными группировками, ставшими частью потребительского западного общества, его интеллектуальных, культурных, деловых прослоек, и с другой — основной частью населения, сохраняющей верность традиционализму. Наивысший разрыв в доходах наблюдается в странах Южного региона, особенно в ЮАР. Несмотря на значительный экономический рост в 2000-х годах⁴, странам АЮС (за редким исключением) не удается — и вряд ли удастся в ближайшие десятилетия — достичь устойчивого экономического развития, осуществить структурную модернизацию и

технологический прорыв. Сохраняется почти во всех государствах АЮС и конфликтно-кризисный характер властных отношений и взаимодействия власти с массами⁵. Политические режимы авторитарного типа остаются доминирующими. Им, несмотря на хотя и ограниченное развитие политического плюрализма и становление элементов гражданского общества, не удастся укрепить государственность и создать эффективные механизмы политического управления. Проблема «несостоявшихся государств» (failed states) еще долго не будет снята с повестки дня. Все это порождает напряжение в африканских обществах и создает базу для роста политической нестабильности.

Десятилетиями АЮС выделялась в развивающемся мире высоким уровнем политической нестабильности, в первую очередь частыми государственными переворотами. Но в начале 1990-х годов военно-политическая обстановка в АЮС существенно изменилась, конфликты приобрели качественно иные масштабы и характеристики⁶. Военные перевороты большей частью сменились гражданскими войнами, восстаниями, вооруженными выступлениями с самыми разрушительными последствиями для молодой, по историческим меркам, африканской государственности. И главное — внутривнутриполитические конфликты дестабилизировали ситуацию в регионах, порой выплескиваясь за их пределы.

К концу 1990-х только в Южном регионе военно-политическая ситуация стала кардинально меняться к лучшему. Завершилась (в 1992 году) длившаяся несколько десятилетий гражданская война в Мозамбике. Был

² Ангола, Ботсвана, Зимбабве, Лесото, Мозамбик, Намибия, Свазиленд, ЮАР. См. подробнее: «Стратегический глобальный прогноз 2030». М., ИМЭМО РАН. 2011. С. 422.

³ ЦАР, Чад, Республика Конго, ДРК, Экваториальная Гвинея, Габон, Сан-Томе и Принсипи. См. подробнее: *Там же*.

⁴ В течение 2002—2007 годов темпы ежегодного прироста ВВП АЮС были выше и общеафриканских, и среднеазиатских показателей и составляли 6,5 процента, а в 2008 году, в начале кризиса, снизились до 5 процентов. См. **Л. Л. Фитуни**. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. — «Азия и Африка сегодня». 2010. № 9. С. 10.

⁵ См. «Современная Африка: метаморфозы политической власти». М., 2009. С. 201—231.

⁶ См. «Африканская цивилизация в глобализирующемся мире». Т. 2. М., 2006. С. 16—18.

ликвидирован режим апартеида в ЮАР (1994 год), и как следствие — прекратилась помощь антиправительственным силам в гражданской войне в Анголе, что при поддержке со стороны мирового сообщества привело к ее окончанию в 2002 году.

Что касается других регионов, то конфликты там тлели и вспыхивали с новой силой. В условиях, когда выявилась неспособность и/или нежелание бывших метрополий и США их урегулировать, сами африканцы возлагали надежды только на «голубые каски» ООН. Однако к концу десятилетия в полной мере вскрылась неспособность международных организаций, в первую очередь ООН, адекватно реагировать на многочисленные конфликты по всему миру. ООН просто не обладала достаточными ресурсами, чтобы осуществлять миротворческие операции, включая мониторинг выборов, гуманитарные миссии и т. п.

В этих условиях для Африканского союза (АС) резко актуализировалась задача создать собственный полноценный механизм предупреждения и разрешения насильственных конфликтов, постконфликтного восстановления и поддержания устойчивого мира в АЮС. Центральным моментом явилось формирование в 2002 году и дальнейшее развитие институтов Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA)⁷. В 2003-м в Учредительный акт АС была внесена важнейшая поправка о праве союза на прямое (в том числе вооруженное) вмешательство во внутренние дела государств-членов в чрезвычайных обстоятельствах (геноцид, военные преступления). Непризнание прави-

тельств, пришедших к власти неконституционным путем, сопровождалось введением против них политико-экономических санкций (приостановка членства государства в АС, прекращение/ограничение транспортных и телекоммуникационных связей, финансовых трансфертов на реализацию социально-экономических проектов). Другим инструментом АС по поддержанию мира и безопасности стало созданное им в 2007 году структурное подразделение под Программу по регулированию границ (AUBP). Ее цель — демаркация к 2012 году всех межгосударственных границ. Тем не менее к настоящему времени в Африке демаркированы только 25 процентов сухопутных границ, а водных и морских — еще меньше. В целом, несмотря на все институциональные новации и миротворческие усилия АС, региональных экономических сообществ (РЭС), активно и всесторонне поддерживаемых ООН и ведущими мировыми державами, уровень конфликтности в странах АЮС остается весьма высоким.

Новые вызовы глобального и регионального характера, а именно — экономический, экологический и продовольственный кризисы, усиливали традиционные факторы, провоцирующие политическую нестабильность, — этнорегиональные и межконфессиональные противоречия, слабость государственных институтов, системную коррупцию, высокий уровень социального расслоения, массовую бедность и т. п.

Обозначились другие новые угрозы миру и безопасности, все больше приобретающие транснациональный характер. Совершенно оправдано утверждение, что в «современном мире сложился своего рода международный криминально-террористический Интернационал, не имеющий единого руководства, представляющий со-

⁷ Вокруг Совета мира и безопасности (PSC) объединялись Континентальная система раннего предупреждения конфликтов, Панель Wise, Силы постоянной готовности Африки (African Standby Force, ASF), Механизм постконфликтной реконструкции и развития, а также Африканский фонд мира (APF).

бой систему взаимосвязанных и взаимодействующих сетевых структур»⁸. Исламистские террористические организации, использующие открытые (Сомали, Мали) или латентные (Нигерия) способы десоверенизации отдельных африканских государств, стали неотъемлемой и быстро укореняющейся частью этого Интернационала.

Наиболее значимые из исламистских радикальных организаций — это сомалийская «Аль-Шабааб», «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и нигерийская «Боко харам», часто именуемая «Африканским (или Черным) Талибаном». Серьезную озабоченность африканских лидеров и мирового сообщества вызывает стремление исламистских группировок к более тесной координации своей подрывной деятельности, к обмену опытом подготовки боевиков и проведению совместных операций.

Формирование альянсов террористов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами подрывает экономику африканских государств, ослабляет их политические институты и правоохранительную систему, а также снижает эффективность миротворческих усилий АС и ООН. Во многих африканских странах героин и кокаин заменили обесценившуюся национальную валюту. Средства, вырученные от наркотрафика, достаются террористам и антиправительственным силам, причем не только в АЮС, но и в других регионах мира. Западная Африка служит перевалочным пунктом в торговле наркотиками (50—55 тонн кокаина в год) между Южной Америкой и Европой. А в скором времени регион может стать и их крупным производителем. Восточная Африка специализирует-

ся на трансферте афганского героина (30—35 тонн в год). Наркопотоки соединяются в Сахеле, где действуют различные военизированные группировки. Превращению Восточной Африки в центр наркоторговли способствовала анархия, царящая уже несколько десятилетий в Сомали. Кроме наркотиков здесь торгуют нелегальными мигрантами, оружием и опасными промышленными отходами.

Все больше дестабилизируют межгосударственные отношения в АЮС «ресурсные войны», нередко провоцируемые и разжигаемые внешними неафриканскими акторами (США, Франция и т. п.). Причем яблоком раздора здесь становятся не только энергетические и минеральные богатства, но земля и вода. Активными или латентными зонами нестабильности остаются и/или становятся огромные территории от Аденского залива и Индийского океана до Гвинейского залива Атлантического океана.

В Восточном регионе⁹ в эпицентре политической турбулентности многие десятилетия находится Сомали. С конца 2011 года просматривается тенденция к расширению участия в сомалийском вооруженном конфликте как соседних стран, так и западных держав, прежде всего США и Франции. Международное сообщество также стремится положить конец морскому пиратству у побережья Сомали и в северо-западной части Индийского океана, где пролегают многочисленные торговые маршруты. ЕС и НАТО направили в Индийский океан свои ВМС, инициировав операции «Атланга» и «Океанский щит». К этим усилиям присоединились другие страны, в том числе

⁸ «Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность». М., 2011. С. 64.

⁹ Бурунди, Коморы, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Кения, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Реюньон, Руанда, Сомали, Судан, Уганда, Танзания, Замбия. См. подробнее: «Стратегический глобальный прогноз 2030». С. 422.

Россия, США, Китай, Индия, Малайзия. 20 августа 2012 года должен был завершиться переходный период, начавшийся в 2004 году созданием, при поддержке международного сообщества, переходного правительства Сомали с мандатом разработать и принять новую конституцию и подготовить проведение всеобщих выборов. Однако процесс государственного строительства находится только в начальной стадии.

Чтобы поддержать усилия сомалийцев и стимулировать этот процесс, под эгидой ООН в 2012 году было проведено несколько международных конференций. Участники Лондонской конференции (23 февраля) — представители более 50 стран и международных организаций, включая ООН, — отвергли идею превращения Сомали в международный протекторат и одобрили дорожную карту реконструкции страны, рассчитанную на четыре года. Разрабатываемый сомалийцами проект Основного закона нацелен на формирование федеративного либо конфедеративного государства, что позволит объединить сомалийские племена и кланы, воссоединить самопровозглашенные государства на территории страны; и Сомалиленд активно поддерживает эту идею. Формированием нового парламента на местах займутся советы старейшин. Ведь полноценные выборы в стране все еще невозможны по соображениям безопасности, хотя исламистская организация «Аль-Шабааб» теряет свои позиции одну за другой.

Трудно сказать, когда будут реализованы эти планы восстановления государственности в Сомали. Но если удастся хотя бы перевести сомалийский конфликт в латентную фазу, то главной головной болью лидеров стран Северо-Востока Африки, включая Египет, и мирового сообщества

станут проблемы двух Суданов — государств, образовавшихся в 2011 году на ранее единой территории. «Нефтяной вопрос» сразу стал точкой преткновения в межгосударственных отношениях между Северным и Южным Суданом и привел к их вооруженному противостоянию. Помимо продолжения ожесточенной схватки между ними за ресурсы, вероятным сценарием развития событий может стать превращение Южного Судана в «несостоявшееся государство» и распад Северного Судана. В ряде его провинций — Кордофан, Голубой Нил, Дарфур — складывается крайне напряженная ситуация. Очевидно, что возрастающий интерес США, Франции и других западных государств к проблеме урегулирования конфликтных ситуаций в Восточной Африке, в том числе путем раздела Судана, обусловлен не только угрозой распространения терроризма и ростом пиратской активности в этом регионе. Главным является их стремление обеспечить свои геополитические и транснациональные экономические интересы, в том числе путем противодействия росту китайского влияния в Африке в рамках общей американской стратегии сдерживания КНР.

Американские и западноевропейские нефтегазовые компании участвуют в разведке нефтяных месторождений на шельфе Кении и Сомали. Они разрабатывают многомиллиардный проект строительства нефтепровода из Южного Судана до кенийского побережья Индийского океана в районе Ламу, что позволит диверсифицировать экспорт южносуданской нефти. Есть и более масштабный проект строительства Трансафриканского трубопровода (Южный Судан — Центральноафриканская Республика — Камерун), по которому США смогут получать самую дешевую в мире нефть и по кратчайшему маршруту.

В случае реализации этих проектов Китай, являвшийся главным союзником Хартума и потребителем суданской нефти до раздела страны, потеряет доступ к ней, поскольку большая часть нефтедобычи сосредоточена в Южном Судане (в провинции Абией), являющемся стратегическим партнером США. Американцы также — под прикрытием риторики о борьбе с терроризмом — оказывают поддержку вооруженным силам Уганды в борьбе с религиозной экстремистской организацией «Армии спасения Господа» Дж. Кони, дестабилизирующей ситуацию на границах страны с Демократической Республикой Конго (ДРК), Южным Суданом и Центральноафриканской Республикой (ЦАР).

Политическая нестабильность в Центральном регионе Африки в последние годы носит преимущественно латентный характер вследствие прекращения открытого масштабного вооруженного конфликта на востоке ДРК. Главной проблемой ДРК продолжает оставаться неспособность государственной власти обеспечить базовые потребности населения. А за этим кроются отсутствие административных структур во многих районах страны, слабость армии, судебной системы и госаппарата, системная коррупция в стране, расколотой по этнорегиональному признаку. Все это грозит по меньшей мере повторением в ДРК кровавых сценариев прошлого, но возможен и распад страны с последующей дестабилизацией региона. Недаром генсек ООН заявил в январе 2012 года, что он выступает за продление мандата миротворческой Миссии ООН (МОНУСКО) — самой

большой в Африке, насчитывающей почти 20 тысяч военных, полицейских и гражданских лиц, до 2014 года. И это после более чем десятилетнего ее присутствия в ДРК!

Политическая турбулентность быстро нарастает в Западной Африке¹⁰. Так, в Кот-д'Ивуаре в 2002—2007 годах шла гражданская война, а после выборов 2010 года возник острый конфликт между претендентами на

Формирование альянсов террористов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами подрывает экономику африканских государств, ослабляет их политические институты и правоохранительную систему.

президентский пост, угрожавший дестабилизацией ситуации в соседних странах — Буркина-Фасо, Либерии, Сьерра-Леоне — из-за огромных потоков ивуарийских беженцев. В 2010—2012 годах в Нигере, Мали и Гвинее-Бисау произошли военные перевороты. Падение М. Каддафи, одного из важнейших игроков на субсахарском политическом поле и особенно в зоне Сахеля, привело к нарушению и без того шаткого баланса сил в районе.

Воцарился хаос в Мали, где центральная власть фактически отсутствует. Местные племена туарегов, получивших оружие и накопивших боевой опыт благодаря участию в ливийских событиях, установили полный контроль над Севером Мали и

¹⁰ Бенин, Буркина-Фасо, Кап-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того. См. подробнее: *Там же*.

объявили даже о создании там независимого государства Азавад. Эти действия подогревают сепаратистские устремления туарегов в Нигере и Буркина-Фасо. В настоящее время за главенство на Севере Мали борются туареги из Национального движения за освобождение Азавада (НДОА), исламисты из «Ансар ад-Дин» и боевики «Аль-Каиды в исламском Магрибе». Есть опасения, что последние найдут общий язык с членами «Боко харам», обретшими прибежище в Нигере и Чаде. А «Боко харам» поддерживает тесные связи с «Аль-Каидой» и афганскими талибами, которые еще в 2010 году обещали оказывать поддержку своим «братьям» в Нигерии.

Наибольшую опасность для мира в Западном регионе и в целом в АЮС представляет растущая дестабилизация ситуации в Нигерии. Эта крупнейшая африканская страна является главным экономическим актором и центром силы в регионе и одновременно — важным торгово-экономическим партнером США, Китая и ЕС. Дестабилизация Нигерии грозит не просто возникновением волны хаоса, способной захлестнуть не только Западный регион, но и развалом самого нигерийского государства.

С 2011 года правительство пытается наладить переговорный процесс с «Боко харам», террористическая деятельность которой чрезвычайно обострила исторически напряженные отношения между мусульманами и христианами, особенно после победы на президентских выборах 2011 года христианина Г. Джонатана. Свержение нынешнего правительства, введение законов шариата на всей территории Нигерии и искоренение светской модели образования — вот главные лозунги «Боко харам». По некоторым данным, группировка получает поддержку политической элиты нигерийского Севера, стремящейся

вернуть себе власть в стране. Но кто и кого использует и в каких целях, покажет будущее.

Растущая дестабилизация стран АЮС свидетельствует об увеличении там зоны проблемной государственности и даже возможной «сомализации» некоторых государств, подтверждая вывод российских ученых об «ускользании» суверенитета из современной политической практики¹¹.

Регионализм в АЮС: настоящее и будущее

Со времени завоевания странами АЮС независимости в их повестке дня всегда стояла межгосударственная политическая и экономическая интеграция. В 1963 году была сформирована Организация африканского единства (ОАЕ), целью которой стали ликвидация всех форм колониализма и расизма, укрепление солидарности африканских государств, защита их суверенитета, территориальной целостности и независимости, а также содействие международному сотрудничеству. Если с первой задачей ОАЕ справилась, то в решении остальных — в условиях нарастания процессов глобализации, последствия которых для африканских стран были в основном негативными, — оказалась практически бесполезной.

К началу XXI века наиболее продвинутой и реалистически мыслящей частью африканских лидеров во главе с президентом ЮАР Т. Мбеки, не преуменьшая негативных последствий стихийного развития глобализации, признала ее как данность. Но при этом она заявила о необходимости сменить парадигму отношений между ведущими государствами Запада и африканскими

¹¹ См. подробнее: «Асимметрия мировой системы управления: зоны проблемной государственности». М., 2011.

странами. Поскольку Африка хочет и должна покончить с ролью объекта глобализационных процессов и стать их субъектом, неоспоримым приоритетом африканских стран становится развитие — главный ресурс их конкурентоспособности и международного влияния. АС, заменивший в 2002 году ОАЕ и принявший программу «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), объявил континентальную и региональную интеграцию в качестве решающего фактора достижения этой цели.

В программе упор сделан на сокращение к 2015 году наполовину числа бедняков и достижение ежегодного 7-процентного прироста ВВП, прекращение и предотвращение вооруженных конфликтов, а также укрепление демократии и надлежащего управления. Региональные экономические сообщества (РЭС) были признаны строительными блоками континентальной интеграции и будущих Соединенных Штатов Африки, что предполагало гармонизацию целей, институтов и программ деятельности между РЭС, АС и НЕПАД.

Индикатором развитости/неразвитости региональной интеграции служит объем товарооборота внутри сообщества. Данные о структуре экспорта основных экономических группировок за 2006 год свидетельствуют о чрезвычайно медленных темпах продвижения по пути межафриканской интеграции или даже срыве этого процесса в Центральном регионе. Экспорт 15 стран—членов старейшего в АЮС Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) постоянно увеличивался с момента создания группировки в 1975 году, но составил при этом лишь... 9,5 процента всего внешнеторгового оборота сообщества. Самыми провальными оказались результаты деятельности Экономического со-

общества центральноафриканских государств (ЭСЦАГ): уровень взаимного товарооборота их одиннадцати членов¹² постоянно снижался и опустился до 0,6 процента всего объема экспорта стран объединения. Упал внутренний товарооборот и Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), составив к середине 2000-х годов только 5,9 процента всего его объема, хотя численность членов КОМЕСА выросла с 10 до 21¹³.

Объем взаимной торговли внутри Южноафриканского сообщества развития (САДК) достиг 7,7 процента всего внешнеторгового оборота входящих в него четырнадцати стран¹⁴. А вот на экспорт этих сообществ за пределы континента приходилось соответственно 87,4, 97,6, 90,4 и 89,2 процента всего их экспорта¹⁵. Возможно, объемы товарооборота внутри экономических группировок несколько выросли за последние годы, но сути дела это не меняет. Для наиболее развитых стран АЮС утрачивается экономический смысл региональной интеграции, поскольку преобладающая часть их внешнеэкономической деятельности реализуется в рамках соглашений об экономической интеграции с нерегиональными партнерами. Так, ряд членов правительств Нигерии, Сенегала, Кот-д'Ивуара и Ганы полагают, что их страны добились бы больших хозяйственных успехов как отдельные экономические игроки.

¹² Ангола, Бурунди, Камерун, ЦАР, Чад, ДРК, Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Габон, Руанда, Сан-Томе и Принсипи.

¹³ Бурунди, Коморы, ДРК, Джибути, Египет, Эритрея, Эфиопия, Кения, Ливия, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Руанда, Сейшелы, Судан, Свазиленд, Уганда, Замбия, Зимбабве, Намибия и Лесото.

¹⁴ ЮАР, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Намибия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик, Малави, Мадагаскар, Танзания, Замбия, Маврикий, Демократическая Республика Конго.

¹⁵ См. «Экономика Африки в условиях рыночных преобразований». М., 2010. С. 84.

Существует много факторов экономического, организационно-институционального, социокультурного, политического и т. п. характера, препятствующих становлению РЭС и континентальной интеграции¹⁶. В этом плане весьма интересно и во многом оправдано с точки зрения как африканских реалий, так и резкого увеличения в 2010-х годах двусторонних и многосторонних соглашений либерализационного и интеграционного характера, заключение российского ученого А. Спартака. Он подчеркивает, что «классический регионализм в его пространственно ограниченном, ориентирующемся на “жесткие” интеграционные форматы, предполагающие наднациональное регулирование, в значительной степени исчерпал свой экономический и геополитический ресурс»¹⁷. Поэтому создание интеграционных мегаблоков, как, например, Африканское экономическое сообщество, задуманное еще в 1981 году, вряд ли возможно и целесообразно. Нереальным видится и возможность слияния, как это предложено Африканским союзом и ЭКА ООН еще в 2006 году, существующих на континенте четырнадцати группировок и образование вместо них пяти региональных сообществ.

В то же время ряд африканских РЭС — КОМЕСА, САДК, ЭКОВАС, Восточноафриканское сообщество (ВАС) — не исчерпали своих возможностей для успешного внутрирегионального сотрудничества и становятся более или менее заметными игроками в мирохозяйственных отношениях.

¹⁶ Там же. Гл. IV. С. 82–90; кроме того см.: Э. Е. Лебедева. Региональное управление в Африке и место государства. — «Африка на пути к независимости (1930–1960 гг.)». М., 2009.

¹⁷ А. Спартак. Современный регионализм. — «МЭ и МО». 2011. № 1. С. 8–9.

КОМЕСА¹⁸ сумело дальше других экономических сообществ продвинуться в создании зоны свободной торговли и таможенного союза, а также в развитии торгово-экономических связей не только с традиционными партнерами — США, странами ЕС, но и с Китаем, ЮАР, Индией, Турцией, Саудовской Аравией, Японией, ОАЭ. В 2011 году в Дубае был проведен очередной, четвертый, инвестиционный форум «КОМЕСА-2011» под лозунгом «Откроем рынки для будущего» («Unlocking the Markets for the Future»), на котором было представлено более 70 стран. В марте 2012 года в Гане прошел второй торгово-экономический форум ЭКОВАС и Китая, где обсуждалось сотрудничество в области финансов, информатики, энергетики и др. РЭС и другие африканские экономические группировки встраиваются в межрегиональное, преимущественно трансконтинентальное сотрудничество — с ЕС, ЕАСТ, МЕРКОСУР. Динамичное развитие торгово-экономических отношений РЭС в различных форматах с нерегинальными акторами будет способствовать, по мнению африканцев, процессу интеграции внутриэкономического пространства объединений.

Называясь экономическими сообществами, РЭС формировались как политико-экономические группировки. В ЭКОВАС, САДК, ВАС, по примеру Африканского союза, были созданы парламенты, что свидетельствует о стремлении сформировать широкую демократическую базу объединений путем вовлечения

¹⁸ Население КОМЕСА составляет 430 миллионов человек; ВВП (на 2008 год) составлял 952 миллиарда долларов США (по паритету покупательной способности). Объем взаимной торговли между странами-участницами в 2009 году достиг 5,7 миллиарда долларов против 665 миллионов в 1999-м, экспорт (на 2009 год) в неафриканские страны составил 108 миллиардов долларов.

в интеграционный процесс гражданского общества, политических партий, экономических игроков. Более того, в документах ЭКОВАС и ВАС присутствует идея основания на базе объединений федеративных государств. Однако реализация этой идеи вряд ли имеет шансы на успех даже в долгосрочной перспективе. Ведь эти и другие регионы АЮС, как показано выше, являются зонами проблемной государственности с тенденцией дальнейшей десоверенизации стран АЮС, что создает опасность для выживания самого африканского государства как значимой единицы в международной политической системе.

«Эта ситуация требует переосмысления самого понятия суверенитета в тесной связке с концептом и практикой коллективного суверенитета, который представляется единственной вероятной альтернативой, если африканские государства не хотят лишиться даже формального суверенитета, унаследованного от колониальной эпохи», — пишет Ж. Мангала, директор африканских исследовательских программ в госуниверситете в Гранд-Вэли (штат Мичиган, США)¹⁹. Коллективный суверенитет требует, считает он, создания независимого регионализма, нацеленного на интеграцию в глобальную систему, но при опоре на стратегию развития, учитывающую интересы африканских стран, а не потребности в африканских ресурсах мировых игроков (добавим мы). Таким образом, концепция коллективного суверенитета, по Мангалу, предполагает сохранение и укрепление государственного суверенитета африканских стран в рамках экономических сообществ и одновременно становление РЭС как

субъектов международно-политических процессов.

Этот процесс активно развивается на региональном уровне. В первую очередь — в сфере обеспечения мира и стабильности, а также поддержания конституционного порядка в государствах—членах объединений. Так, ЭКОВАС в 2010 году приостановила членство Кот-д'Ивуара в организации из-за нежелания его президента Л. Гбагбо признать свое поражение на прошедших выборах, а в 2012-м сочла необходимым разместить миротворческие силы в Мали и Гвине-Бисау, ставших ареной военных переворотов. САДК занимается урегулированием кризиса в Зимбабве. РЭС формируют при поддержке НАТО бригады Африканских сил постоянной готовности (African Standby Force, ASF), ЭКОВАС к тому же располагает собственным миротворческим контингентом, внесшим значительный вклад в прекращение гражданских войн в регионе.

Лидеры этих объединений — Нигерия и ЮАР — настроены критически по отношению к отдельным направлениям внешнеполитических стратегий мировых держав в АЮС. Так, они отказались поддерживать ряд важных американских инициатив по борьбе с терроризмом, осудили как предвзятую деятельность Международного уголовного суда (МУС) и выступили категорически против размещения штаб-квартиры АФРИКОМ на территории какого-либо африканского государства. Причины — боязнь расширения американского военного присутствия на континенте, которое рассматривается АС как иностранное вмешательство в африканские дела, а также озабоченность сохранением регионального и континентального баланса. ЮАР осудила Францию за «неоколониальное вмешательство» в дела Кот-д'Ивуара, а затем за срыв

¹⁹ «Africa and the new globalization». Aldeshot, 2008. P. 114.

мирной инициативы АС по урегулированию ливийского кризиса, считая, что ООН пошла на поводу у Франции. «План Африканского союза был полностью проигнорирован в пользу бомбежек Ливии силами НАТО», — сказал президент ЮАР Дж. Зума на заседании СБ ООН в январе 2012 года, посвященном роли Африки в разрешении кризисов на этом континенте.

Скачкообразное расширение многостороннего сотрудничества с Китаем²⁰, Индией и другими развивающимися странами не только стимулировало экономический подъем в странах АЮС, но и обеспечило им определенную «свободу рук». Так, появилась возможность вынудить МВФ и ВБ изменить свою кредитную политику в отношении африканских стран, а также занять более самостоятельную позицию в отношении предложения Евросоюза на втором саммите ЕС—АС в Лиссабоне (2007 год) открыть свободный доступ на африканские рынки европейским товарам. По поддержанному многими международными аналитиками мнению лидеров Нигерии, ЮАР, Анголы, это нанесет удар по неокрепшей промышленности их стран, а потеря доходов от таможенного обложения — по их бюджетам. Только 31 страна АЮС под давлением Евросоюза подписала соглашения об экономическом партнерстве.

На третьем саммите ЕС—АС в Триполи (2010 год) африканские лидеры снова потребовали обсудить наиболее актуальные для них проблемы торгово-экономического вза-

имодействия, которых не хотели касаться европейцы. Вместе с тем они отказались подписать совместную декларацию по изменению климата, мотивировав это тем, что документ отражает интересы только европейских стран. Саммиты свидетельствовали об углублении афро-европейского взаимодействия и вместе с тем о сложности придания ему характера стратегического партнерства. Выявилось много противоречий между европейцами и африканцами как в расстановке приоритетов по тем или иным проблемам, так и в видении стратегий развития и путей их реализации. Поэтому в принятой третьим саммитом программе действий (до 2013 года) сохранены все прежние приоритетные области сотрудничества, но внесены и определенные коррективы. В частности, содержится призыв к формированию «более гибкого афро-европейского партнерства» и предоставлению более широких возможностей для африканских государств, в том числе и в реформировании системы глобального управления.

В 2005 году АС представил свою концепцию реформы ООН, так называемый Консенсус Эзулвини. Африканцы выступают за предоставление им двух мест постоянных членов Совбеза с правом вето, а также двух дополнительных мест непостоянных членов. На XV саммите АС в июле 2010 года приверженность африканцев этой концепции была подтверждена. Сейчас страны континента составляют более четверти (27 процентов) государств, входящих в ООН, но имеют всего три места непостоянных членов СБ. И это при том, что только с сентября 2008-го по март 2011 года почти половина (260 из 529) заседаний и резолюций СБ ООН, а также заявлений его председателя была по-

²⁰ См.: Э. Е. Лебедева, А. И. Салицкий. Китай в Африке. — «Север—Юг—Россия 2007. Ежегодник». 2008; «Африка и мир в XXI веке». М., 2010; И. В. Андропова. Китаизация Африки: новые тенденции в старом процессе. — «Африка: основания для нового старта. Ежегодник». М., 2011.

священа обсуждению африканских проблем²¹.

Позиция мировых держав — членов СБ по вопросу его реформирования не является, естественно, консолидированной. Франция выступает за поэтапное расширение Совбеза, предлагая выделить Африке пока только одно место постоянного члена. Если позицию Франции поддержат другие члены Совбеза, что вполне реально, учитывая значительное число претендентов на места в СБ из других регионов мира, то за место в Совете Безопасности ООН развернется (да фактически уже развернулась) яростная борьба между ЮАР и Нигерией — основными кандидатами на роли новых «центров силы» континента.

Нигерия свои претензии на постоянное членство в СБ ООН обосновывает тем, что является самой населенной страной АЮС (138,2 миллиона человек в 2008 году), обладает значительными вооруженными силами (84 тысячи военнослужащих) и внесла большой вклад в миротворческие операции (Либерия, Сьерра-Леоне, Гвинея-Бисау, Судан). Нигерийский президент Обасанджо был одним из инициаторов НЕПАД, в 2004—2006 годах возглавлял АС. Нигерия обнародовала цель войти в двадцатку наиболее развитых экономик мира к 2020 году и обойти ЮАР, что стало своего рода национальной идеей. Однако Нигерия имеет слабые дипломатические позиции на международном уровне, а главное — политическая ситуация в стране крайне нестабильна.

И в самой Африке, и за ее пределами многие аналитики согласны, что ЮАР — естественный лидер континента. Республика не только является наиболее развитой в экономическом

отношении; после ликвидации системы апартеида она превратилась в наиболее демократически продвинутую часть африканского континента. ЮАР — активный участник интеграционных процессов на региональном (САДК, САТУ) и континентальном уровнях. Т. Мбеки был первым президентом АС, внес большой вклад в разработку и принятие программы НЕПАД. Явно возросла роль страны в мировой экономике и глобальной политике. ЮАР — член G20, участвует в работе Всемирного банка и МВФ, выбрана на второй двухгодичный срок в СБ ООН. Успешно развиваются ее отношения с ведущими государствами Юга — Индией и Бразилией в трехстороннем формате ИБСА, а с 2011 года — с этими странами, а также Китаем и Россией в рамках БРИКС. Но поражение южноафриканского представителя на выборах главы комиссии АС на XVIII саммите АС в январе 2012 года подтвердило выводы «Белой книги» ЮАР по внешней политике за 2011 год, согласно которым многие континентальные тренды в своей комбинации могут бросить вызов лидерству ЮАР в Африке. Признается, что риторика африканской солидарности маскирует реальное соперничество между странами, сопротивление гегемонистским устремлениям Южной Африки на континенте, особенно со стороны региональных тяжеловесов — Египта и Нигерии. Упомянутое поражение также расценивается в ЮАР как результат французского давления на маленькие франкофонные государства — члены АС.

С появлением новых вызовов для континента, а именно — развернувшейся «схватки за Африку» мировых держав Запада и азиатских стран с растущей экономикой, обнаруживается запрос на сильного лидера,

²¹ См. А. Ю. Урнов. Африка и реформа ООН. — «Азия и Африка сегодня». 2011. № 5.

который бы повел АС независимым курсом. Китай, Индия, Россия — члены БРИКС и активные участники этой схватки — используют ЮАР как платформу и инструмент проникновения на континент. Этот фактор — наряду с историей Южной Африки (апартеид), ксенофобскими настроениями южноафриканцев в отношении мигрантов-африканцев (волна погромов, прокатившаяся по стране в 2008 году) — вызывает настороженность африканцев и сомнения в том, что ЮАР действительно станет защитником их интересов в ООН и других органах глобального управления.

Борьба Нигерии и ЮАР за лидерство в АС ослабляет его влияние в международно-политических процессах всех уровней. Неспособность организации выработать единую позицию по ключевым вопросам, в том числе по урегулированию ивуарийского и ливийского кризисов, привела к полному пренебрежению по отношению к АС со стороны держав Запада и СБ ООН. Острая нехватка бюджетных средств организации ставит под угрозу миротворческие операции в «горячих точках» АЮС, осуществление более половины программ АС зависит от иностранных

источников²². В 2010 году большую часть бюджета АС дали ЮАР, Алжир, Нигерия, Египет и Ливия, которая даже вносила средства за наиболее бедные африканские страны. Каддафи, который со времени создания АС стремился играть в организации ведущую роль, при всей непоследовательности и даже экстравагантности своего поведения на международной арене, был носителем идеи равноправно-конкурентных отношений с США, ЕС, Индией и Китаем. Его уход с политической сцены, а также революции в североафриканских странах не только обострили бюджетные проблемы АС, но и стали еще одним фактором падения влияния организации. На этом фоне перспективы ряда РЭС выглядят более обнадеживающими. Они, в первую очередь ЭКОВАС и САДК, наращивают потенциал в качестве региональных субъектов международно-политических процессов АЮС, а Нигерия и ЮАР — центров силы не только регионального, но и, возможно, мирового уровня. ◆

²² Бюджет АС на 2011 год составил 256,7 миллиона долларов, из них 122,6 миллиона были получены от стран-членов АС, а 134,2 миллиона — от международных партнеров.